

Попробуем представить судьбу этих книг. То, что первый владелец в 1914 году знал, что находится в его руках, сомневаться было бы легкомысленным. Не украл же он эти книги из типографии? Да, наверное, и в типографии хватились бы, ведь число тиража шло на десятки, если не на единицы. Значит, владелец знал, но переплести их с целью обеспечения дальнейшей сохранности до Октябрьских событий и гражданской войны не успел. Если книги ему удалось сохранить, то в начале двадцатых годов он отдал их переплести. В этом случае это был, вероятно, человек, не отрицавший прошедшие в стране перемены, что определяется тем, что он с охотой написал на корешках переплётów фамилию автора с советской транскрипцией, несмотря на то, что на титульных листах она была напечатана в прежней орфографии, с буквами «і» и «ять».

Если же это сделал не он, а второй владелец, купивший или отнявший каким-то образом книги у первого, то он знал, что это особый экземпляр, так как не тратил бы столько золота на тиснение на корешках. Значит, знал и был состоятелен в начале двадцатых годов. Кто же он и когда расстался с книгами? Не в годы ли ленинградской блокады 1941–1944 гг.? Может быть, он погиб во время блокады или уехал воевать, а может, направился в эвакуацию, не взяв с собой это, можно сказать, «книжное сокровище». А может, это именно он сохранил в блокаде от гибели книги. Ведь известно, что ленинградцы, особенно в первую блокадную зиму, сожгли огромное количество книг, спасаясь от холода. Так или иначе,

книги пережили блокаду и сохранили при этом свой прекрасный вид.

Когда же последний владелец, знавший секрет издания, расстался с книгами, уже не узнать. Потому, что продававший в магазин эти книги, ничего о них не знал. Это мог быть несведущий наследник или кто-то другой. И он попал на товароведа, который тоже не знал. О дальнейшей судьбе книг я уже написал.

Вот на какие раздумья может навести очередное приобретение книг для своего собрания, при том, что на книгах нет никаких помет, или печатей, предпосылок для анализа их жизненного пути.

Книжный марафон

У меня был (последнее слово я написал с чувством глубокой горечи о недавней его потере) коллега и близкий друг в течение более, чем сорока лет — Геннадий Леонидович Краузе. Он работал бесшумным директором самого крупного автотранспортного предприятия в системе Главмосавтотранса, в центральном аппарате которого работал и я также в течение многих десятков лет. Таким образом, и наша дружба была многолетним фактором. За её время, неоднократно поздравляя с нашими днями рождения, мы передавали друг другу огромный перечень различных предметов. Я, конечно, всегда норовил подарить ему книги или книгу, так как всю жизнь считал, да и считаю и в настоящее время, что книга — лучший

подарок. Геннадий не оставался в долгу и дарил мне предметы, которые он считал лучшими в качестве подарка, например, комплекты лыж, спортивные костюмы и другие спортивные аксессуары.

Будучи руководителем многотысячного коллектива, Геннадий находил время для занятий спортом. Он был, можно сказать, выдающимся лыжником, уже после шестидесятилетнего юбилея он регулярно показывал результаты первого разряда, а иногда, может быть, и выше. Летом Геннадий пересаживался на велосипед, практически не теряя для занятий спортом свободного времени. Более того, своим примером и, обладая блестящими организаторскими способностями, он вовлекал в спорт сотни людей своего трудового коллектива и близких людей. К последним относился и я. Несколько десятков лет я регулярно занимался лыжными походами на довольно длинные дистанции. У предприятия, которое возглавлял Геннадий, была (есть и сейчас) лыжная база (в составе пансионата, построенного самим предприятием). Естественно, что регулярные занятия спортом были несовместимы с потреблением алкогольных напитков в заметных дозах, и Геннадий неуклонно этому положению следовал.

В связи с этим вспоминаются две истории. В семидесятых годах Геннадий, будучи членом бюро райкома КПСС (мне не хочется тратить драгоценное время читателей на разъяснение того, что это означало), на приёме французской делегации в райкоме получил в подарок от одного из её членов бутылочку коньяка «Мартель» в 200-граммовом формате. Для

того времени это был экзотический подарок, как же французский коньяк! Геннадий решил поделиться этой радостью и самим коньяком со мной. В этот день мы решили посетить футбольный матч, проходивший в Лужниках. Когда мы встретились на стадионе, он вынул из кармана французскую бутылочку, и мы, находясь под трибуной около одного из буфетов, на столике распили коньяк, но, не успев поставить бумажные стаканчики на стол, были атакованы милиционером, который, не спрашивая у нас документов, потребовал пройти с ним в отделение милиции; в качестве доказательства нашего пьянства он взял с собой злополучную бутылочку, уже пустую. Нам хотелось занять свои места на трибуне, матч уже начался. Но нам ничего не оставалось, как пойти под его «конвоированием», тем более, что он настолько громко проповедовал неуместное распитие спиртных напитков на спортивных сооружениях, что ряд зрителей готовы были пожертвовать некоторым временем футбольного матча ради нового своеобразного зрелища. Когда же мы в сопровождении милиционера и нескольких, примкнувших к нашей процессии заинтересовавшихся (слово «зевак» просится, но на стадионе за несколько минут перед началом футбольного матча зевак быть не может!) людей, проследовали в отделение, милиционер доложил сидящему за столом майору, что, мол, эти двое распивали спиртные напитки, и в доказательство поставил на стол майора известную бутылочку. Майор опытным глазом посмотрел на нас и спросил милиционера: «Это всё, что они пили, или что-нибудь ещё?» «Всё», — ответил ми-

лиционер. Тогда майор обратился к нам: «Идите на футбол, а бутылочку, пожалуйста, оставьте». Мы едва успели к началу матча.

Вторая история была посложней, после принятия в 1985 году известного постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О борьбе с пьянством». Я сознательно не привожу полного названия этого постановления, принесшего много бед для винодельческой отрасли страны и ущерба в моральном облике людей, вынужденных в очередной раз лицемерить и жить в условиях, не соответствующих их интересам. Через некоторое время после принятия этого постановления, видимо, в его развитие, было создано Всесоюзное общество трезвости (или трезвого образа жизни,— не помню точно). ЦК КПСС, который организовывал учредительные мероприятия, поднял высоко планку такого события. В Колонный зал Дома Союзов были приглашены видные деятели страны, видимо, известные ЦК КПСС как поборники трезвого образа жизни; среди них, к своему удивлению, оказался Геннадий. Ещё больше он был удивлён, когда при выборе руководящих органов общества, его выбрали председателем ревизионной комиссии. Я не помню, какого секретаря ЦК КПСС избрали председателем общества. Через некоторое время правление общества получило довольно престижное здание — особняк на нынешней Малой Дмитровке. Общество заработало. Правда, чем оно занималось, я вспомнить не могу. Зато хорошо помню, как Геннадий при очередной встрече попросил у меня помощи. Я был сильно удивлён его просьбой.

Дело в том, что, будучи много лет руководителем большого предприятия, он, неоднократно принимая зарубежные делегации, получал в качестве сувенира бутылки с крепкими алкогольными напитками (виски, джины, ликёры, коньяки и т. п.). Кроме того, бывая за границей, сам неоднократно привозил подобный ассортимент домой. Так как он не выпивал, или выпивал очень мало, то эти все напитки сохранялись у него дома в виде своеобразной коллекции. Всего бутылок было более сотни, и они хранились в буфетах, сервантах и прочей соответствующей мебели.

Так вот, Геннадий Леонидович разъяснил мне, что ему, как председателю ревизионной комиссии общества трезвости не пристало иметь такую коллекцию, мол, неровен час, ему придётся принимать дома каких-либо деятелей по общему делу, и ему будет очень некомфортно.

Короче, он попросил меня помочь ему расстаться с коллекцией, найти «оптового» покупателя. У меня был коллега по собиранию книг, предметов живописи и графики, любитель выпивать разные эксклюзивные напитки. Я с ним договорился, что он купит 100 бутылок за 1000 рублей, т. е. по 10 рублей за бутылку. Для того времени это была неплохая цена. Только Игорь Качурин (так звали этого весьма разностороннего и высококвалифицированного любителя) просил доставить эту покупку к нему домой. И вот, мы, Геннадий и я, достали 6-7 пустых коробок из-под бутылочной продукции, в один из рабочих дней подняли их (он жил на 11 этаже) в его квартиру, затарили продаваемые бутылки, погрузили их в служебный

легковой автомобиль, за руль которого сел сам директор, и мы отправились домой к покупателю с проданным товаром. При этом пришлось соблюсти ещё одно условие сделки: продавец и покупатель не хотели устанавливать личный контакт. Поэтому мы выгрузили коробки с бутылками к лифту, и Геннадий, весьма довольный тем, что ему удалось малой организационной кровью избавиться от множества бутылок с алкоголем, отправился на работу, а покупатель, с которым мы вместе подняли ящики (он жил на 10 этаже), после выемки всех бутылок из коробок на пол был просто потрясён представившейся его взору картиной любителя выпить. Первые его слова после любования картиной были: «Ну, которую открывать? Мы должны немедленно обмыть эту покупку». Что касается дальнейшей карьеры Геннадия в роли председателя ревизионной комиссии общества трезвости, то она продолжалась недолго, не была наполнена содержанием и прекратилась вместе с жизнью общества, последовавшей вскоре.

Такое отступление от книгособирательской канвы я позволил себе для небольшой картинки того времени, в котором нам пришлось жить.

Геннадий не был заядлым библиофилом, поэтому книги, которые я ему дарил, были современными, но, как обычно, весьма актуальными.

Так продолжалось до 1985 года, когда в отчаянии от невозможности подарить современную хорошую книгу, а день рождения неотступно приближался, я взял книгу, которая была в моём собрании в дубле, и решил ему преподнести в качестве обычного сувени-

ра. Эта была первая книга выпущенной в 1909-1912 гг. серии трудов на исторические темы под общим заглавием «Русская быль», состоящая из 16 основных книг. Ко времени восьмидесятых годов двадцатого века эти книги, выпущенные в начале века, не утратили своей актуальности. Во-первых, в них приводились отдельные факты из жизни исторических героев, которые в других изданиях на подобные темы по различным причинам игнорировались. Во-вторых, книги были украшены обильным иллюстрированным материалом высокого качества. Кроме того, издавались они на бумаге также высокого качества, что и обусловило их сохранность в течение многих десятков лет.

Мне хотелось собрать эту серию в издательских переплётах (такие выпускались издательством «Образование»), что почти удалось. Подаренная же в день рождения друга в 1985 году книга называлась «Переворот 1762 года» и являлась, как я уже говорил, первой в издаваемой серии. Понятно, что в ней описывались события, связанные с дворцовым переворотом, осуществлённым будущей Императрицей Екатериной II против своего мужа, Императора Петра III, окончившегося возведением Екатерины II на российский престол и смертью Петра III.

Я столь подробно рассказываю об этом потому, что не только хочу обратить внимание читателей на хорошие и интересные книги, а также и потому, что история этого подарка имела занятное (по моему мнению) продолжение. Когда через год, в 1986 году, подошёл очередной день рождения Геннадия, то я

обрадовался возможности найти хороший подарок, не затрачивая особого труда в его поиске. Я просто купил другую книгу из этой серии и со словами, что их всего 16, я обещал ему дарить и в дальнейшем по книге в год. Мысленно я посчитал, что, если в 1986 году я уже 2 тома, можно сказать, «устроил», то осталось ещё 14, т. е. дарить их нужно с 1987 по 2000 год.

Этот подсчёт мне показался символичным и заманчивым. Мы оба были уже достаточно «в возрасте», и невидимая четырнадцатилетняя предстоящая связь казалась мне, конечно, в мистическом плане, своеобразной гарантией, что мы не покинем друг друга за это время.

Кроме того, выход на уровень 2000 года, конца столь бурного для России столетия представлялся многим, родившимся в двадцатые годы, весьма проблематичным. И так, этот книжно-подарочный марафон начался. И если в первые годы мои усилия по его осуществлению были минимальны, ведь из оставшихся 14 книг найти по счёту третью, четвертую, пятую было достаточно легко (выбор был велик, и я заранее не заботился об их приобретении); но когда рамки выбора стали сужаться, а в последние годы превратились уже в серьёзную проблему. Находить надо было определённые книги, и мне приходилось думать об этом буквально за год и даже два, искать эти книги и платить за них любую цену. Более того, последнюю, 16ю книгу в 2000 году я вынужден был просто взять в своей коллекции, которая и по сей день, в связи с этим обстоятельством, осталась неполной.

Но задача была выполнена, и мой друг получил за 16 лет 16 книг серии «Русская быль». Я был очень этому рад и потому, что книги эти он прочитал, что в немалой степени способствовало расширению кругозора не только его, но и членов его семьи. А для расширения познаний читателей мне хочется привести полный перечень книг этой серии, так как я не припоминаю, чтобы в каких-либо современных справочниках его можно было найти. Итак, это уже упоминавшийся «Переворот 1762 года»; 3 книги французского историка Валишевского — «Пётр Великий», «Вокруг трона» и «Роман Императрицы»; книги «Пётр II и Анна Иоанновна»; «Эпоха Николая I»; «Освободительное движение при Александре II»; «Александр I»; «Время Павла и его смерть»; «Разруха 1825 г.»; «Княжна Тараканова»; «Легенда о старце Феодоре Кузьмиче»; «Русско-японская война»; «Земское движение» и «Новый строй» в двух книгах, части I и II. Всего, повторяю, 16 книг основной серии. Впоследствии выходило ещё несколько книг под названием «Русская быль», но название это было тиснуто только на крышках издательских переплётков и не входило в перечень нумерованных томов. В моём собрании нумерованные тома хранятся в шести издательских переплётках (по 2 книги в каждом) и четыре книги в издательских обложках.

В конце этого небольшого рассказа лишь немного библиофильского характера остаётся только добавить, что Геннадий Леонидович Краузе был почётным гражданином города Москвы. В 2001 году он тяжело заболел и скончался в 2002 году. Его могила

на Ваганьковском кладбище у самого входа и по соседству с могилами Высоцкого, Листьева и братьев Квантришвили.

Последней фразой я хотел подчеркнуть непредсказуемость жизни и смерти в России и в конце бурного двадцатого века. Об этих годах ещё будут написаны исторические хроники, которые естественным образом дополняют серию «Русская быль», изданную о прошедших непростых периодах российской жизни.

Уникальная книга

Сейчас, когда я начинаю писать ещё один маленький рассказ о близких мне людях, связанных со мною различными книжными приключениями, мне пришла в голову неожиданная мысль: «...почему про большинство этих людей приходится писать «быль»? Что, это связано с моим невольным выбором друзей по возрасту, или потому, что про живых писать сложнее? Ведь ответственность автора значительно выше. Написав ту или иную фразу, поневоле задумаешься, как она может быть принята героем твоего рассказа?

Приходится очередной раз писать «быль». Да, был у меня близкий друг Варлен Антонович Ржешевский. Он был видным экономистом, закончившим Ленинградский университет (чем он сильно гордился), и дослужился до крупного чиновника, работавшего много лет в Госплане СССР. Рассказываю об этом потому, что он по своему служебному статусу получал спис-